

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ
УЗБЕКИСТАН

НУКУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

ИМЕНИ АЖИНИЯЗА

КАФЕДРА РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Матжанов Кобейсин Амагельдиевич

СОСТАВ СЛОВА И МЕТОДИКА ЕГО ИЗУЧЕНИЯ НА УРОКАХ
РУССКОГО ЯЗЫКА

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Научный руководитель:

к.ф.н. Ельмуратова С.А.

Работа защищена

«___» _____ 2014 года

Оценка _____

Зав. кафедрой _____

Н У К У С - 2 0 1 4

Введение.

Актуальность темы.

"Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий
о судьбах моей родины - ты один мне поддержка и
опора, о великий, могучий, правдивый и свободный
русский язык! - Не будь тебя - как не впасть в
отчаяние, при виде всего, что совершается дома? - Но
нельзя верить, чтобы такой язык не был дан
великому народу!"

Частью культурного сознания является языковое сознание, и если мы хотим возродить культуру, способствовать её расцвету, то начинать надо с языка. «Между самосознанием элементов языка и других элементов культуры нет чётко выраженной границы...в переломные исторические эпохи родной язык становится символом национального самосознания», - пишет московский лингвист Никитина С.Е., исследовавшая народную картину мира. В последние десятилетия сбором и описанием говоров занимаются многие ученые, ими создаются различного рода диалектные словари.

Вопрос об использовании диалектных слов в литературных произведениях на протяжении долгих лет не оставлял равнодушными многих ученых и писателей. Одни высказывались "за", другие "против" употребления диалектизмов в художественных произведениях. Одни всячески приветствовали живые, народные словечки, расцвечивающие ткань литературного произведения, другие упрекали писателей в злоупотреблении диалектными словами. Таким образом, существовали полярные точки зрения на вопрос о допустимости использования диалектизмов в литературных произведениях. Так, М.Горький говорил: "Щегольство местным словарем – это не только дурной тон, но – препятствие к познанию России Европой. "Словечки" надо оставить филологам, писать без кокетства, четко, просто, крепко, малословно..." "Картоха" и тому подобные уродливые "местные наречия" допустимы в языке героев, а когда их говорит автор – это или грубое кокетство, или

недостаток художественного вкуса" (Горький, 57). Думается, не все в этих высказываниях бесспорно. Употребление диалектных слов в авторской речи – далеко не всегда "грубое кокетство" или "недостаток художественного вкуса" писателя, если писатель говорит и пишет на исконном языке народа.

В.Астафьев, который также не раз подвергался критике из-за "злоупотребления диалектизмами", писал, что "герои и повествователь говорят так, как говорят по сию пору в Сибири", и добавлял: "В наши дни человек испытывает неловкость, признаваясь, что не знает ни одного иностранного языка... А разве не стыдно не знать языка, на котором говорит многомиллионная Сибирь? И слова-то какие – выразительные, меткие, точные! Уж не считаем ли мы порой чуть ли не признаком культуры – говорить на языке нивелированном, бесцветном?" (18, 106).

В.Астафьева поддерживает и А.Т.Твардовский: "Диалектизмов не нужно бояться, ими нужно пользоваться с толком, и великие старики (Л.Толстой, И.Тургенев, не говоря уж о Лескове, который тут кокетничал) отлично знали об этом и нас, дураков, этому учат. Литература невозможна на так называемом литературном, дистиллированном языке..." (Твардовский, 107).

Думается, что мнения авторитетных литераторов звучат достаточно убедительно. Уместно процитировать слова В.Г.Белинского: "Избегая книжного языка, не должно слишком гоняться и за мужицким наречием..." Итак, во всем нужна мера. Ярый противник писания "по-балахонски" М.Горький, по свидетельству современников, так до конца жизни и не смог избавиться от диалектной черты – оканья, которым одарила его родина с ее нижненовгородским говором (Белинский, 107).

Долгое время было распространено мнение, что диалектоносители – люди неграмотные, низкой духовной культуры. Эту точку зрения можно опровергнуть следующим фактом.

Итак, язык развивается по своим законам, но создатель языка, его хозяин – народ. Благодаря писательскому мастерству литературный язык обогащается за счет народной речи. Поэтому изучение диалектных элементов в языке художественного произведения остается актуальным для русистики. Особенно важно такое изучение в сопоставительном аспекте, поскольку это дает возможность определить как общие принципы использования говора в языке писателей, так и своеобразие, самобытность каждого из них.

Цель и задачи исследования.

Цель - использование диалектизмов в произведении И.С. Тургенева «Записки охотника». Данной целью определяются следующие задачи выпускной квалификационной работы:

- подбор и анализ лингвистической литературы по теме работы;
- отбор лингвистического материала из произведения И.С. Тургенева «Записки охотника»;

выявление экспрессивно-стилистических особенностей диалектизмов на основе данных словарей: Словаря русского языка С. И. Ожегова, Толкового словаря живого великорусского языка под редакцией В. Даля в 4-х томах;

- классификация собранного лингвистического материала на основе а) принадлежности к определенным классам; б) статистическая обработка результатов практического направления исследования;

- создание словаря диалектизмов произведения «Записки охотника».

Предмет исследования.

Предметом исследования послужили диалектизмы в произведении И.С. Тургенева «Записки охотника».

Материал исследования.

Фактическим материалом исследования послужил произведение И.С. Тургенева «Записки охотника», в котором использованы диалектизмы русского языка. Картотека языкового материала насчитывает 324 примера.

Методы исследования.

Основными методами исследования, используемыми в настоящей работе, являются метод наблюдения, метод сплошной выборки, количественного анализа, описательный и сопоставительный.

Методом сплошной выборки извлекался материал из текста произведения И.С. Тургенева «Записки охотника». Количественный анализ применялся как для определения частоты употребления диалектизмов в авторской речи и речи персонажей, так и для выявления разницы в степени использования диалектных элементов в произведении И.С. Тургенева. Наконец, сопоставительный метод использовался в случае выявления приемов и способов введения диалектизмов в текст автором.

Научная новизна и практическая значимость работы.

Новизна данного исследования состоит в том, что, по располагаемым нами данным, попытка рассмотрения использования диалектизмов в произведении И.С. Тургенева «Записки охотника», не предпринималась.

Фактический языковой материал и отдельные положения выпускной квалификационной работы могут быть использованы при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по проблемам русской лексикологии, диалектологии, лингвистической географии, а также в процессе реализации программы по составлению словарей языка писателей, в том числе словаря произведений И.С. Тургенева.

Апробация работы. Основные положения работы обсуждались на заседаниях кафедры русской филологии НГПИ имени Ажинияза.

Структура работы.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во «Введении» обосновывается новизна и актуальность исследования, характеризуются его предмет и объект, источники, ставятся цели и задачи, излагаются методы, приводятся сведения по апробации, теоретическому и практическому применению материалов.

Глава I. Диалектная лексика в современном русском языке.

1.1. Лексика общеупотребительная и ограниченной сферы употребления.

Лексика русского языка в зависимости от характера функционирования разделяется на две большие группы общеупотребительную и ограниченную сферой употребления. В первую группу входят слова, использование которых не ограничено ни территорией распространения, ни родом деятельности людей; она составляет основу словарного состава русского языка. Сюда включаются наименования понятий и явлений из разных областей жизни общества: политической, экономической, культурной, бытовой, что дает основание выделить в составе общенародной лексики различные тематические группы слов. Причем все они понятны и доступны каждому носителю языка и могут быть использованы в самых различных условиях, без какого бы то ни было лимитирования.

Лексика ограниченной сферы употребления распространена в пределах определенной местности или в кругу людей, объединяемых профессией, социальными признаками, общими интересами, времяпрепровождением и т.д. Подобные слова используются преимущественно в устной ненормированной речи. Однако и художественная речь не отказывается от их употребления: писатели находят в них средства для стилизации художественного повествования, создания речевой характеристики героев.

1.2. Диалектизмы, их типы.

Диалектом называют разговорный вариант данного языка, которым пользуется ограниченное число людей, связанных общностью территории в постоянном живом общении друг с другом; диалект не имеет своей письменной нормы. Диалектология (гр. *dialektos* + *logos* наука о диалектах) - лингвистическая дисциплина, которая изучает

территориальные диалекты (говоры) конкретного языка; мы будем рассматривать особенности русских диалектов на территории пребывания русских в Восточной Европе, а также происхождение, распространение и функционирование диалектов в наше время. Говоры территории позднего заселения в основном мало отличаются от коренных русских говоров, главным образом северорусских, но в результате длительного смешения друг с другом и контактирования с иными языками они развили некоторые особенности, требующие самостоятельного изучения. Исторически эти русские говоры - всегда «смешанные» или «переходные», их системы осложнены новыми чертами, чаще всего сближающими их с просторечием (по характеру отклонения от норм русского языка).Просторечие, совпадая с диалектом по наличию одной только устной формы бытования и по отступлениям от литературной нормы, отличается от диалекта более широким распространением (не имеет территориальных границ по основным своим признакам) и стилистической функцией: просторечные формы как раз и порождают «сниженный» вариант городской разговорной речи, тогда как «чистый» диалект-это «нормальная» речь сельского населения.

Диалекты как территориальные варианты национального языка отличаются также и от социальных диалектов - жаргонов, аргю, профессиональных форм речи. В новых социальных условиях традиционные весьма многочисленные жаргоны фактически распались, их остатки ни в какой социальной группе не являются особым говором. Поэтому сегодня диалектология изучает в основном территориальные диалекты, которые, впрочем, также уже утрачивают целостность и замкнутость своих прежних систем и границ. Ещё не так давно диалект понимался как живая речь сельского населения, а просторечием называли речь городских жителей, не владеющих литературной нормой. Теперь резких границ между речью города и села нет; нет, следовательно, и четкого противопоставления диалектов просторечию, В дальнейшем мы

увидим, насколько быстро и необратимо происходит «растворение» говоров в «культурной» речевой среде, в результате чего возникает русское просторечие, отчасти противопоставленной и нормированной разговорной речи, ориентированной на литературную норму. Существует и местная разновидность просторечия; её называют иногда полудиалектом. Однако подобные речевые отличия не так значительны, чтобы следовало вводить еще одну ступень классификации типов устной речи в границах русского языка.

Таким образом, говоря о национальном русском языке, имеют в виду все формы его существования в наше время: литературный язык со своей устной разновидностью (разговорная речь), местные диалекты и современное городское просторечие.

Задача русской диалектологии - описание диалектного членения современного русского языка, выявления всех форм конструкции, особенностей произношения и словоупотребления которыми современные говоры отличаются друг от друга и от литературного языка - в связи с изменяющимися условиями социальной жизни людей, которые искони пользовались этими диалектами. Изучение говоров, представляющих многие реликты русского языка, помогает глубже осознать структурное, семантическое и стилистическое богатство русского языка, проследить влияние народной речи на становление и развитие литературного языка, понять условия и причины, неизбежность и необходимость последовательного изменения русского языка.

Исходным принципом выделения разных форм языка является их отношение к национальному языку, т.е. к обязательной для всех литературной норме. С точки зрения этого (социолингвистического) противопоставления литературный язык является одной из форм национального языка и может быть понят по-разному, в зависимости от его отношения к другим формам национального языка.

В отношении к просторечию национальный язык выступает как язык культурный, т.е. приспособленный к различным ситуациям общения в современном обществе. В отношении к разговорной речи национальный язык выступает как литературный, т.е. является общепринятой и авторитетной формой речи. Все подобные противоположности, из которых выясняются признаки литературного языка, выделяют литературный язык как культурную, нормативную, по преимуществу письменную форму существования современного русского языка.

Диалект - разновидность национального языка с относительным единством системы и возможным варьированием несущественных для данной системы особенностей, главным образом связанных с формой, а не с семантикой. Диалект всегда ограничен территориальными, социальными и традиционно-культурными границами и, строго говоря, не укладывается в пределы одних только местных говоров.

Диалекты древнее, чем современный литературный язык, который и сложился в свое время на основе народной речи и долго развивался под их воздействием. В отличие от литературного языка диалекты существуют только в устной форме, мало варьируются стилистически и обслуживают сравнительно узкую сферу бытового общения, главным образом сельского населения.

Социальные условия речевого общения исторически изменялись: племенные языки перешли в языки народностей, а эти последние развились в современные национальные языки. В первобытнообщинном строе членения языка по говорам не было: язык племени образовывал отдельный диалект. В условиях средневековой государственной дробности язык народности создает уже различные формы речи, которыми может различаться речь населения соседних княжеств. В древнерусских рукописях особенности местной речи встречаем с XI в., но окончательно говоры русского языка разделились только в конце XIV - начале XV в. и затем развивались под влиянием самых разных исторических условий. В

современных условиях говоры сохраняются как остаток предшествующего этапа развития языка, языка народности. Не имея возможности создавать функциональные или стилистические варианты, язык народности в процессе своего развития образовывал многочисленные территориальные варианты, которые постепенно создали реальные предпосылки для объединения в законченной форме национального (литературного) языка. Сегодня русский язык уже не может довольствоваться лишь языковым «генным фондом», полученным им из прошлого, из диалектных вариантов; в его систему включаются и новые, интернациональные речевые формы. Однако русским наш язык остается до тех пор, пока в основу его структуры, функций и степеней вариантности будет составлять именно этот, прошедший испытание временем «генный фонд» народной речи.

Таким образом, диалектное членение языка - исторически необходимая ступень развития системы русского языка. В средние века диалектная дробность позволила языку выжить в условиях межнациональной конкуренции, чужеземных завоеваний, государственной расчлененности; это позволило сохранить народные языковые формы и проработать различные их варианты в целях дальнейшего развития национального языка. Русский язык не уникален в этом плане: в средневековой Европе все языки прошли этот этап своего развития.

Говоры являются важным источником в изучении истории языка. История слов и синтаксических конструкций помогает проследить развитие категорий мышления, понятий и представлений наших предков об окружающем их мире.

Источники диалектологии, - прежде всего записи русских говоров, известные нам с начала XIX в., диалектные словари и атласы, а также многочисленные исследования по отдельным русским говорам. Используются и исторические памятники, которые показывают диалектные различия. Важным источником является топонимический

материал - географические названия, этнографические и документальные материалы, которые раскрывают смысл и значение соответствующих слов и народных выражений.

1.2.1. Диалектное членение русского языка

Русский язык - один из славянских языков, которые в современном их виде по отношению друг к другу разделяются на южные, восточные и западные. Русский, украинский и белорусский языки возникли из единого в прошлом обще восточнославянского языка, языка древнерусской народности, которая существовала в X-XIII вв. Поэтому долгое время по традиции в название все трех языков входило определение «русский»: великорусский (от великий «большой»- по численности населения), малорусский (теперь называется украинским, от Украина «окраина»), белорусский (от белая земля «свободная от поборов»- имеются в виду татарские сборщики дани). Распадение древнерусского языка на три родственных объясняется исторически и лингвистически - разноправленным изменением некогда общезыковой системы в условиях государственной самостоятельности и феодальной разобщенности.

Принципов классификации говоров может быть несколько, в зависимости от задач, которые ставятся.

По отношению к л и т е р а т у р н о м у я з ы к у все говоры распределяются по принципу «центр - периферия»; говоры «удаляются» от центра в зависимости от того, насколько они отличаются своими особенностями от литературной нормы.

В зависимости от своего п р о и с х о ж д е н и я выделяются говоры севернорусские и южнорусские, с переходными между ними среднерусскими. Если при этом учесть столь же важное в историческом отношении противопоставление «восток - запад», то этот принцип классификации совпадает с предыдущим, потому что в «центре» опять-таки окажутся говоры, особенно близкие к литературной норме, легшие в ее основу.

Исторически, по характеру распространения русские говоры делятся на коренные («материнские»), которые распространены в центральных районах Восточной Европы, и «новые» говоры, т.е. говоры новых территорий населения.

По различительным особенностям языка группы говоров объединяются независимо от территории заселения - это и есть основной принцип классификации говоров, принятый в диалектологии.

Первая научная классификация русских говоров (после длительного и тщательного их изучения в тот момент, когда диалектные различия были выражены ещё очень резко), «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» появилась в 1915 г. Авторы её - члены Московской диалектологической

Комиссии (МДК), работавшей при Академии наук, во главе с Д.Н.Ушаковым, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым. В этой классификации принимались во внимание только различительные признаки говоров, преимущественно в области произношения (фонетика) и грамматической формы (морфология); синтаксису и лексике было уделено мало внимания. В результате признаков различения оказалось немного, однако, с их помощью стало возможно объективное выделение главных русских наречий и говоров. Преимущества данной классификации - в её чёткости и ясности, в почти точном отражении языковой реальности, в относительной близости к моменту расцвета коренных говоров, которые с начала XX в. стали активно разрушаться под влиянием литературной нормы. Карта МДК по отражению в ней диалектных особенностей почти полностью соответствовала историческим изменениям в русском языке.

Классификация русских говоров разрабатывалась постепенно, в связи с их научным изучением, и потому отражала разные этапы развития этих говоров.

В первой половине XIX в. уже ясны были основные различия между севернорусскими и южнорусскими говорами.

До конца XIX века при классификации русских говоров производилось обязательно их сравнение с «высоким московским говором», который выступал своего рода «точкой отсчета». У Даля это говоры московские, к востоку от них – владимирские, к северу – новгородские, к югу – рязанские, к западу – «белорусские». Дальнейшая классификация производилась уже по административным признакам: так, новгородские говоры делились по губерниям на новгородские, псковские, олонечские, вологодские, вятские. Таким образом, классификация МДК была действительно научной и довольно точно отражала состояние дел.

После 1917 г. в ходе культурных и социальных преобразований в стране коренные крестьянские говоры стали быстро разрушаться. Многие особенности говоров изменились в сторону просторечия, и это потребовало новой классификации говоров. Она была выработана на основе материалов, собранных в ходе подготовки «Диалектологического атласа русских народных говоров». Авторами «вопросника» были известные диалектологи С. А. Ерёмин, Б. А. Ларин, Ф. П. Филин, В. И. Чернышев. Но большой объём его (739 вопросов) потребовал уточнений и изменений, и в 1945 г. под редакцией Р. И. Аванесова и Б. А. Ларина вышла «Программа собрания сведений для «Диалектологического атласа русского языка»». На основании собранных по этой программе материалов к 1965 г. создана новейшая классификация русских говоров, которая отражает современное состояние и распространение изменившихся в XX в. говоров. Однако и эта классификация опирается в основном на самые архаичные особенности народной речи. Затрудняет всестороннее изучение говоров чрезмерная дробность классификации, выделение вторичных, несущественных для диалектной системы признаков, а внимание к особенностям, которые сегодня стали уже признаками просторечия, приводит к смешению понятий «просторечие» и «говор».

Учитывая основную установку на исторический аспект в истолковании и описании диалектных явлений, мы и положим в основу

классификации русских говоров карту, составленную в момент реального существования говоров в их цельном виде - в 1915 г. Напомним, что классификация говоров по диалектным группам (1915 г.) имела дело с реальными говорами, тогда как классификация говоров по диалектным зонам (1965 г.) основное внимание уделяет характеру их распространения.

Сегодня, разумеется, ясны все недостатки традиционной группировки говоров, однако именно классификация 1915 г. является и более полной

(охватывает и говоры северных районов России), и построена на основании исконных для диалекта признаков, содержит информацию о типах переходных говоров, которую в принципе можно распространить на все русские говоры, в том числе и на говоры территорий позднего заселения. Классификация 1915 г. вообще удобнее для изучения, поскольку она охватывает все существенные для конкретных говоров признаки, и признаки эти являются различительными, т.е. не повторяются при выделении каких-либо других говоров. В некоторых случаях при изложении материала отмечаются и признаки и характеристики классификации

1965 г., особенно если нужно показать изменения в говоре.

В отличие от классификации по диалектным зонам распределение говоров по диалектным группам чаще отражает последовательность в реализации какой-то общей закономерности.

Последовательность в построении классификации определяется известной суммой избранных для этого признаков.

Г о в о р - мельчайшая форма диалекта, однородного по особенностям речи на общей территории распространения в одинаковой этнической среде. «Говор» одновременно и самый неопределённый по смыслу термин: в зависимости от количества и качества различительных признаков можно описать говор одного человека, говор одной деревни и вообще «говор» всех русских. Поэтому весьма условно

«говором» признаем конкретную диалектную систему, «местную речь» во всех её особенностях, как различительных, так и общих для русского языка. Говор - самая реальная единица диалектного членения.

Г р у п п а г о в о р о в представляет собой более крупную единицу, и чем больше такая группа по территории

распространения говоров, тем меньше признаков, выделяющих её из числа всех остальных. На каждом отдельном этапе развития диалектов именно группы говоров обладают свойством представлять реально существующие диалектные комплексы, определенные по общей сумме признаков и вместе с тем отражающие систему языка.

Наречие - самая крупная единица диалектного членения, она определяется по языковым, культурным и историческим признакам разграничения говоров, а в узком смысле слова собственно и значит «диалект» (в широком смысле диалект противопоставлен литературной норме).

Современный русский язык сложился в XV - XVII вв. на основе слияния двух восточнославянских наречий : с е в е р н о р у с с к о г о и ю ж н о р у с с к о г о; между ними возникли, постепенно расширяя границы, переходные среднерусские говоры, которые не механически сочетали особенности северорусского и южнорусского наречий, но образовали особую, промежуточную, очень важную для последующих изменений русского языка систему часто близкую к просторечию (на основе среднерусских говоров некогда возник и современный литературный язык).

Среднерусские говоры в произношении гласных совпадают с южнорусскими, в произношении согласных - с северорусскими; употребление грамматических форм близко к литературной норме. Среднерусские говоры - самого разного происхождения, некоторые из них еще недавно были северорусскими (по классификации 1915г.) Владимиро-Поволжские говоры относились к северорусскому наречию, а

по классификации 1965 г. они считаются среднерусскими) Редукция безударных гласных в этих говорах иногда даже сильнее, чем в акающих говорах южнорусского наречия, здесь очень распространена фонетическая замена парных по твердости-мягкости согласных и т.д. Можно сказать, что по совокупности своих особенностей среднерусские говоры - переходные от диалекта к просторечию и эта специфика структуры препятствует признанию среднерусских говоров как самостоятельного наречия.

По традиции выделяют пять групп говоров для севернорусского наречия и три - для южнорусского.

Говоры Поморской группы севернорусских говоров распространены, кроме Архангельской области на территории Мурманской области и в северных районах у побережья Белого моря.

Олонецкой группой говоров называют говоры, распространенные на современных территориях Ленинградской, Вологодской и Архангельской областей, а также Карелии.

Новгородская группа говоров охватывала территории б. Новгородской и Петербургской губерний.

Вологодско-вятская группа включает в себя говоры б. Вологодской, Вятской и Пермской губерний, а также говоры территорий за Уральским хребтом.

Владими́ро-Поволжская группа говоров - окающие говоры Поволжья - охватывала большие пространства от б. Тверской до Саратовской губерний.

Западная группа говоров выделяется с наибольшими трудностями, поскольку в этом регионе довольно много говоров, переходных от русских к белорусским (особенно в западной части Смоленской и Брянской областей), а в остальных развились частные особенности речи, выделяющие только данные говоры и нигде более не встречающиеся. В классификации 1915 г. западная группа называлась Тульской, но в современном членении говоров, очень удобном, сюда присоединяют

(кроме Калужской) также говоры востока Брянской и Смоленской областей.

Южная группа говоров охватывает говоры Курской и Орловской областей, а также соседних с ними, вплоть до Северного Кавказа.

Восточная группа говоров включает в себя говоры, распространенные на юге Рязанской области и в соседних областях: Липецкой, Тамбовской, Воронежской, Пензенской и части Саратовской.

Большая дробность в распространении среднерусских говоров объясняется историческими условиями их сложения и развития между северорусскими и южнорусскими говорами. Однако с точки зрения внутриязыковых, структурных особенностей среднерусские говоры гораздо ближе друг к другу, чем говоры северорусского и южнорусского наречий. Это затрудняет группировку говоров, которые к тому же постоянно изменяются.

Таким образом, по совокупности черт, различающих русские говоры сегодня, видно, что диалектное членение исторически изменялось; строгое изучение диалектологии требует внимательного сравнения результатов исследований 1915, 1965 гг., а также современного состояния каждого говора в отдельности. На смену исчезающим из употребления особенностям языка приходят новые, которые в свою очередь отражают нынешнее состояние народной речи. Средневековая дробность говоров постепенно заменяется более крупными « группами говоров», « диалектными зонами» и пр., но именно наречия, северное и южное, являются наиболее современными величинами диалектного членения русского языка. Укрупнение диалектов, которое замечается на всем протяжении XX в. , показывает устремленность живого русского языка к общерусской системе и к литературной норме. Эту тенденцию диалектного развития подтверждают все стороны диалектной речи - и фонетика. И грамматика, и лексика.

Русский язык - это совокупность тех говоров, поднаречий и наречий, на которых говорит русский народ, то есть известные племена и народности, объединенные общностью нравов, верований, преданий и самого языка. [Энциклопедический словарь Ф.Е. Брокгауза и И.А. Ефрона.].

Русские народные говоры, или диалекты (гр. *dialektos* - наречие, говор), имеют в своем составе значительное количество самобытных народных слов, известных только в определенной местности. Так, на юге России рогач называют ухватом, глиняный горшок - махоткой, скамью - услоном и т. д. Диалектизмы бытуют, в основном, в устной речи крестьянского населения; в официальной обстановке носители диалектов обычно переходят на общенародный язык, проводниками которого являются школа, радио, телевидение, литература.

В диалектах запечатлелся самобытный язык русского народа, в отдельных чертах местных говоров сохранились реликтовые формы древнерусской речи, которые являются важнейшим источником восстановления исторических процессов, затронувших когда-то русский язык.

Наряду с литературным языком в состав русского языка входят и местные, или территориальные, говоры. "Территориальные говоры, или диалекты, - это языковые единицы, которые служат средством общения для коллектива людей, живущих на определенной территории".

[Прохорова В.Н.].

В диалектах возможно иное, чем в литературном языке, количество и качество звуков, служащих для различения звуковой оболочки и значения слов, т.е. фонем, иное, чем в литературном языке, употребление их.

В говорах и литературном языке могут быть различными способы изменения и образования слов, способы соединения слов в предложении.

Все диалекты, в большей или меньшей степени отличающиеся от литературного языка, как и сам литературный язык, входят в систему

единого национального русского языка, так как между ними значительно больше общего, чем расхождений.

Говоры и литературный язык находятся во взаимодействии. Но отношения между этими составными элементами русского языка не одинаковы для различных исторических эпох. Местные говоры сыграли свою, весьма значительную роль в формировании сначала языка великорусской народности, а затем в формировании национального языка. На протяжении длительного периода словарь литературного языка пополнялся словами из говорков. Усваиваясь литературным языком, подчиняясь его нормам, такие слова теряли диалектный характер.

Начиная приблизительно со второй половины XIX века пополнение словарного запаса литературного языка словами из лексики говорков в целом прекращается. Исключение составляют лишь отдельные слова, проникшие в литературный язык. Наоборот, влияние литературного языка на них усиливается.

Но и до настоящего времени, даже при огромном влиянии литературного языка на территориальные диалекты, имеющем место в последнее время и ведущем в конечном итоге к утрате диалектов, последние еще сохраняются в современном русском языке как самостоятельные языковые единицы.

А поскольку существуют говоры с присущим им своеобразием фонетической системы, грамматики и словаря, языковые особенности диалектов не могут не отразиться в современном литературном языке, в частности, в языке художественной литературы.

В лингвистике и литературоведении возникает термин диалектизмы, т.е. "слова, свойственные местным диалектом, употребляемые в составе литературного языка".¹

---

¹ Русская диалектология /Под ред. проф. Л.Л.Касаткина. -М., 1989. -С.7.

Диалекты отличаются от общенародного национального языка различными чертами - фонетическими, морфологическими, особым словоупотреблением и совершенно оригинальными словами, неизвестными литературному языку. Это дает основание сгруппировать диалектизмы русского языка по их общим признакам.

1.2.2. Лексические диалектизмы - слова, известные только носителям диалекта и за его пределами не имеющие ни фонетических, ни словообразовательных вариантов. Например, в южнорусских говорах бытуют слова буряк (свекла), цибуля (лук), гуторить (говорить); в северных - кушак (пояс), баской (красивый), голицы (рукавицы). В общеупотребительном языке эти диалектизмы имеют эквиваленты, называющие тождественные предметы, понятия. Наличие таких синонимов отличает лексические диалектизмы от других типов диалектных слов.

1.2.3. Этнографические диалектизмы - слова, называющие предметы, известные лишь в определенной местности: шанежки - 'пирожки, приготовленные особым способом', дранки - 'особые оладьи из картофеля', нардек - 'арбузная патока', манарка - 'род верхней одежды', понёва - 'разновидность юбки" и т. д. Этнографизмы не имеют и не могут иметь синонимов в общенародном языке, так как сами предметы, обозначенные этими словами, имеют локальное распространение. Как правило, это предметы быта, одежда, кушанья, растения и под.

1.2.4. Лексико-семантические диалектизмы - слова, обладающие в диалекте необычным значением: мост - 'пол в избе', губы - 'грибы всех разновидностей, кроме белых', кричать (кого-либо) - 'звать', сам - 'хозяин, муж' и т. д. Такие диалектизмы выступают в качестве омонимов к общенародным словам, употребляемым с присущим им в языке значением.

1.2.5. Фонетические диалектизмы - слова, получившие в диалекте особое фонетическое оформление чай (чай), чепь (цепь) - следствия "цоканья" и

"чоканья", свойственных северным говорам; хверма (ферма), бамага (бумага), пашпорт (паспорт), жисть (жизнь) и под.

1.2. 6. Словообразовательные диалектизмы - слова, получившие в диалекте особое аффиксальное оформление: певень (петух), гуска (гусыня), телок (теленки), земляница (земляника), братан (брат), шурык (шурин), дарма (даром), завсегда (всегда), откуль (откуда), покеда (пока), евонный (его), ихний (их) и т. д.

1.2.7. Морфологические диалектизмы - не свойственные литературному языку формы словоизменения: мягкие окончания у глаголов в 3-м лице (идеть, идти); окончание -ам у существительных в творительном падеже множественного числа (под столбам); окончание е у личных местоимений в родительном падеже единственного числа: у мене, у тебе и др.

Диалектные особенности характерны также и для синтаксического уровня, и для фразеологического, однако они не составляют предмет изучения лексической системы языка.

1.3. Значение диалектизмов в русском языке.

На протяжении всей истории русского литературного языка его лексика пополнялась диалектизмами. Среди слов, восходящих к диалектным источникам, есть межстилевые, нейтральные: земляника, пахать, улыбаться, очень, а есть слова с яркой эмоциональной окраской: чепуха, морока, аляповатый, нудный, мямлить, прикорнуть. Большинство диалектизмов связано с жизнью и бытом русского крестьянства, так что многие слова этих тематических групп в современном литературном языке по происхождению диалектные: батрак, хлебороб, вспашка, боронование, зеленя, зябь, борона, веретено, косовица, доярка и под. Многие из этих диалектизмов вошли в литературный язык уже в наше время почин, новосел, шумиха, умелец.

Особенно характерно для современных языковых процессов пополнение лексики этнографизмами. Так, в 50-60-е годы литературным языком были освоены сибирские этнографизмы падь, распадок, шуга и др.,

еще ранее - тайга, сопка, филин. (Именно эти слова некогда послужили поводом к выступлению М. Горького против увлечения писателей "местными речениями" однако язык принял их, и они даются в словарях без ограничительных помет.)

1.4. Использование диалектизмов в художественной литературе.

Один из путей проникновения диалектизмов в общеупотребительный язык - использование их писателями, изображающими жизнь народа, стремящимися передать местный колорит при описании русской деревни, создать яркие речевые характеристики деревенских жителей.

Диалектные слова намеренно используются в языке произведений художественной литературы. Писатели и поэты, если они рассказывают о жизни деревни, часто вводят диалектизмы как в речь персонажей, так и в авторскую речь с целью более реалистичного показа действительности, с целью обогащения языка произведения.

Многие русские писатели используют в своих произведениях диалектизмы как средство художественной выразительности. Среди них можно назвать писателей - драматургов XVIII века, таких, как Матинский, Пловильщиков, Абросимов; писателей 40-х годов XIX века - Даля, Григоровича, Писемского; писателей-шестидесятников - Решетникова, Левитова, Слепцова, Николая Успенского; писателей-реалистов - Тургенева, Некрасова, Никитина, Л. Толстого, Короленко; советских писателей - Горького, Шолохова, Леонова, Панферова и многих других.

Каковы же цели и методы введения диалектизмов в язык художественной литературы? Отвечая на этот вопрос, надо иметь в виду, что цели и методы находятся в тесной связи с мировоззрением писателя, с идейным содержанием его творчества, с его литературными вкусами. Следовательно, они различны.

Писатели XVIII века вводили диалектную лексику в язык персонажей комедий не только и не столько с целью достижения большей

реалистичности в изображении героев, сколько с целью достижения комического эффекта путем показа "неправильной", "нелитературной" речи своих героев.

Некоторых писателей (например, В.И. Даля) диалектная лексика привлекала как эффективное средство этнографического описания жизни крестьян различных местностей России.

Писатели-шестидесятники (Н. Успенский, Ф. Решетников, А. Левитов, В. Слепцов) встали на путь почти фотографической передачи языка своих персонажей, резко отличающегося от литературного. Они подчинили языковые средства своей основной задаче - изображению угнетенного, забитого русского крестьянства.

Широко использовали диалектизмы в языке своих произведений лучшие представители критического реализма - И.С. Тургенев и Л.Н. Толстой. При всем разнообразии использования диалектных особенностей в творчестве этих писателей их объединяет одинаковое отношение к диалектной лексике: диалектизмы в речи действующих лиц и в авторской речи помогают правдивому изображению действительности, раскрытию характеров действующих лиц, а также являются источником обогащения языка художественного произведения.

Современные литераторы также охотно используют диалектизмы при описании деревенского быта, пейзажа, при передаче склада речи своих героев: Все вечера, а то и ночи сидят [ребята] у огончиков, говоря по-местному, да пекут опалихи, то есть картошку (Абр.); - Не ешь, вот и слабость,- заметила старуха.- Может, зарубим курку - сварю бульону? Он ить скусный свеженькой-то... - Не надо. И поить не поем, а курку решим... - Хоть счас-то не ерепенься!.. Одной уж ногой там стоит, а ишо шебаршит ково-то (Шукш.).

Следует различать, с одной стороны, "цитатное" употребление диалектизмов, когда писатель вводит их как иностилевой элемент и читатель понимает, что это речь героев, а не автора; и, с другой стороны,

использование диалектизмов на равных правах с лексикой литературного языка как стилистически однозначных лексических средств. Цитатное употребление диалектизмов в художественном тексте обычно стилистически мотивировано, если автор соблюдает чувство меры и не увлекается непонятными читателю местными словами, разъясняя те диалектизмы, которые могут затруднить восприятие. Стремление же вводить диалектизмы в художественную речь на равных правах с литературной лексикой чаще всего получает негативную оценку. Сошлемся для примера на поэтические строки, смысл которых может остаться загадкой для читателя: Плавал одаль белозор; Склон с прикрутицей муравится...

Иногда писатель ориентируется на критерий общедоступности, понятности текста и поэтому использует диалектизмы, которые не требуют разъяснения. Но это приводит к тому, что в художественных произведениях часто повторяются одни и те же диалектные слова, ставшие уже, по существу, "общерусскими" и утратившие связь с конкретным народным говором. Введение в художественный текст диалектизмов этого круга уже не воспринимается как выражение индивидуальной авторской манеры. Поэтому художники слова должны выходить за рамки "междиалектной" лексики и искать свои речевые краски в местных говорах.

ГЛАВА II. Диалектизмы в произведении И.С. Тургенева «Записки охотника».

Сложен и многоцветен мир слов, их сочетаний нашем повседневном общении. Но еще более сложными оказываются языковые явления тогда, когда они попадают в бурную стихию художественного текста. Язык художественной литературы представляет собой сложное комплексное явление. Его наиболее характерная особенность заключается в том, что язык художественного произведения формируется из большого количества источников. Диалектная лексика - это мощнейший пласт в системе русского языка, не получившие в силу отрицательного к нему отношения со стороны носителей литературной нормы существенного описания в языке художественной литературы. Однако необходимо отметить, что диалектная лексика, содержащая в себе поистине неисчерпаемую сокровищницу живого слова, представляет все более привлекательный языковой материал для писателей. И.С. Тургенев является одним из тех писателей, кого безоговорочно можно назвать мастером языка.

Основой тургеневского языка является речь культурной части русского общества его времени. Вместе с тем в языке «Записок охотника» нашло широкое отражение «живое просторечие города, помещичьей усадьбы и русской деревни» [Пустовой, с. 474]. В тургеневских рассказах нередко встречаются местные слова и выражения, диалектизмы орловского наречия, например «площадь», «замашки», «бучило», «зеленя». Склонность к диалектизмам вообще была характерной чертой ранних произведений писателей «натуральной школы».

В этом отношении "Записки охотника" — поистине гениальное творение художника крестьянской души, изобразившего картину контрастов и гармонии удивительного русского характера, сочетающего в себе нетронутое природное начало, богатырскую силу и в тоже время чувствительность и ранимость.

Крестьянин, которого можно любить, которым можно восхищаться, который живет природой, красотой, искренностью и любовью, именно таким Тургенев видит русский народ, не скрывая своих чувств, любуясь и удивляясь ему, подчас даже роня горячую слезу.

Повествователь, голос которого мы слышим со страниц «Записок охотника», дает описание природы как человек, тонко чувствующий красоту своей страны. Он знает о природе столько, сколько и любой из крестьян.

Писатель открывается как истинный знаток своих персонажей, он обыгрывает каждую ситуацию так, чтобы как можно ярче проявилась та или иная черта народного характера. Тургенев отказывается от обобщений, он рисует своих героев как самобытных представителей нации. Главная функция диалектизмов в «Записках охотника» И. С. Тургенева - характерологическая функция, в отличие от Даля, который стремился к буквальному копированию мужицкого лексикона, в отличие от Григоровича, который, подделываясь под народную речь, создавал различные стилизации, Тургенев (как и Гоголь) не стремился к натуралистической детализации в описании крестьянского быта, он рассматривал различные диалектные слова и выражения в качестве характерологического средства, создающего яркую экспрессию на фоне языковой нормы авторской речи. [Пустовой, 27]

Язык, как характерологическое средство, особенно ярко выступает у И. С. Тургенева в «Записках охотника».

Некоторые местные слова и выражения автор вводит в текст с познавательной целью, то есть, чтобы расширить представления читателя об особенностях описываемого диалекта, он поясняет их, прибегая к своеобразному приему косвенного отчуждения, при котором объяснение слов дается в сносках: «бучило» - глубокая яма с весенней водой; «казюли» - змеи; «лесовщики» - люди, которые гладят, скоблят бумагу;

«сугибель» - крутой поворот в овраге; «заказ» - лес; «верх» - овраг и другое. [Он же, 28]

Наиболее характерным приемом И. С. Тургенева, при изображении персонажей является прием динамизации речи, за счет которой в языке героев преобладают элементы синтаксиса: частые повороты слов; употребления диалектной лексики; пропуски сказуемых, придающие речи движение; вопросительные и восклицательные предложения: «У одного чана форма зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этак по воздуху, словно кто ею полоскал, да и опять на место». При помощи данного приема достигается оживление рассказа и активизация слушающих: «А знаете ли, от чего он такой весь невеселый, все молчит, знаете? Вот от чего он такой невеселый. Пошел он раз, тятенька говорил, - пошел он, братцы мои, в лес по орехи. Вот пошел он в лес по орехи, да и заблудился; зашел – бог знает куды зашел...». [Он же,42]

В качестве речевой характеристики героев в «Записках охотника» употребляются искаженные иностранные слова: «щеколат», «ниверситеты», «ладеколон», «фейвирки», «кеатр» и другое.

Особый оттенок кумулятивная функция приобретает через диалектно-просторечно-разговорные контексты, встречающиеся обычно в речи персонажей. Однако, иногда такие контексты встречаются и в авторской речи, например, в рассказе «певцы» автор говорит о Моргаче: «Я никогда не видывал более пронизательных и умных глаз, как его крошечные, лукавые «гляделки», - и к слову «гляделки» дает сноску: «орловцы называют глаза гляделками, так же как и рот едалом». [Он же,30]

Диалектизмы в рассказах И. С. Тургенева художественно оправданы, не теряют своей самостоятельности и постоянно взаимодействуют с основной лексикой литературного языка – это дает основание утверждать, что И. С. Тургенев умножил и развил стилевое богатство русской художественной речи.

Таким образом, вкрапывая диалектизмы в язык своих произведений, писатели XIX века стремились приблизить свои произведения к живой народной речи, которая является объединяющим и семантически организующим центром общенародного языка нации.

Лексическое богатство русских говоров проявляется в большом общем количестве диалектных слов. Собственно диалектная лексика особенно богато представлена в обозначении таких природных объектов или производственных процессов, орудий труда и т.п., каких нет в отдельных местностях, либо они там менее значимы или обозначаются описательно.

По говорам многие фрагменты действительности могут расчленяться языковым сознанием на лексико-семантическом уровне (т.е. получать специальные наименования) очень различно.

В процессе работы над произведением И.С. Тургенева «Записки охотника» нами, в рамках данного исследования, выделены следующие типы диалектизмов:

1. Лексические диалектизмы – это слова, имеющие литературные синонимы. В словарях эти слова обычно имеют помету *диал.*(диалектное) или *обл.*(областное).
2. Семантические диалектизмы – слова, обладающие в диалекте необычным значением, т.е. когда общеизвестные слова употреблены в значении, отличающимся от литературного.
3. Грамматические диалектизмы – не свойственные языку формы словоизменения.
4. Словообразовательные диалектизмы – слова, образованные в диалекте с помощью суффиксов и приставок.
5. Фонетические диалектизмы – «цоканье», «чоканье», замена –ч звуком.
6. Этнографические диалектизмы – это слова, обозначающие предметы и понятия, составляющие местную специфику.

2.1.Лексические диалектизмы (всего слов - 54): Говоры русского языка характеризуются значительным единством словарного состава и наличием известного количества различающихся лексических единиц. Всю лексику говором русского языка можно разделить на три группы. Первую группу составляют собственно диалектные, или областные слова. Это лексические единицы, имеющие ограниченную территорию распространения и не входящие ни в одну из общерусских форм языка. Вторая группа представлена словами, ограниченными в своем территориальном распространении, но входящими в словарный состав литературного языка либо городского просторечия. К третьей группе относится лексика, не имеющая территориальных ограничений и также входящая в словарный состав литературного языка и просторечия.

Лексические единицы - разные слова и варианты одного слова - могут различаться между собой звуковой формой или значением. Разные слова и варианты одного слова, имеющие в разных говорах одно и то же значение, составляют диалектное различие плана выражения или лексическое диалектное различие. Это так называемые собственно-лексические диалектизмы. Например: Я вам стану оброк платить хороший. - "Да зачем тебе селиться на болоте?" - "Да уж так; только вы, батюшка, Николай Кузьмич, ни в какую работу употреблять меня уж не извольте, а *оброк положите*, какой сами знаете" (6); "Пятьдесят рублей в год!" - "Извольте". - "Да *без недоимок* у меня, смотри!" (6); "У нас и так в запрошлом году мельница сгорела: *прасолы* переночевали, да, знать, как-нибудь и подожгли" (22); - А вот извольте *в плетушку* заглянуть: двух окуньков залучил да голавликов штук пять... Покажь, Степа (35); Федосья-то из Микулина. В Москве *на оброке* жила в швеях и *оброк* платила исправно, сто восемьдесят два рубля с полтиной в год... (67); - Какое, батюшка, жалованье!.. *Харчи* выдаются - и то слава тебе, Господи! много доволен (80); - А слышали вы, ребятки, - начал Ильюша, - что *намеднись* у нас на Варнавицах приключилось? (97); - А скажи, пожалуй, Павлуша, -

начал Федя, - что, у вас тоже в Шаламове было видать *предвиденье-то небесное?* (100); А на дворовой избе баба-стряпуха, так та, как только затемнело, слышь, взяла да *ухватом* все горшки перебила в печи: "Кому теперь есть, говорит, наступило *светопрестановление*" (100); А человек-то это шел наш *бочар*, Вавила: *жбан* себе новый купил да на голову пустой *жбан* и надел (101); - Покажь-ка, покажь... (Она спустила *кузов* с руки и приподняла до половины широкий лист лопуха, которым грибы были покрыты.) Э! - сказал Касьян, нагнувшись *над кузовом*, - да какие славные! Ай да Аннушка! (126); А *становому* на всякий случай объяснил: вот какие порядки, говорю; да чайком его, да благодарность...(141); Я оглянулся - жена *целовальника* плакала, припав грудью к окну (216); Это остается покрыто мраком неизвестности, как говаривал один мой знакомый *стряпчий*, когда его спрашивали: берет ли он взятки с доброхотных дателей? (249).

2.2.Семантические диалектизмы (всего слов - 12). Под *семантическими* диалектизмами подразумеваются общенародные слова, употребляемые в данной местности в особом, необычном значении: *верх* (овраг); *улица* (гулянье); *губы* (грибы всех разновидностей, кроме белых). Иначе говоря, семантические диалектизмы можно считать *омонимами* литературных слов. Например: - Попал Хорь в *вольные* люди, - продолжал он вполголоса, как будто про себя, - кто без бороды живет, тот Хорю и *набольший* (8); Поставщики материала на бумажные фабрики поручают закупку тряпья особенного рода людям, которые в иных уездах называются "*орлами*" (11); Жена его, старая и сварливая, целый день не сходила с печи и беспрестанно ворчала и бранилась; сыновья не обращали на нее внимания, но невесток она *содержала* в страхе Божиим (14); Ермолай был человек престранного рода: беззаботен, как птица, довольно говорлив, рассеян и неловок с виду; сильно любил выпить, не уживался на месте, на ходу шмыгал ногами и переваливался с боку на бок - и, шмыгая и переваливаясь, *улетывал* верст шестьдесят в сутки (20); Зато никто не

мог сравниться с Ермолаем в искусстве ловить весной, в полуию воду, рыбу, доставать руками раков, отыскивать по чутью дичь, подманивать перепелов, вынашивать ястребов, добывать соловьев с "*дешевой дудкой*", с "*кукушкиным перелетом*"... (20); Вдруг, в одно прекрасное утро, вообразите себе, входит Арина - ее Ариной звали - *без доклада* ко мне в кабинет - и бух мне в ноги...(26); Туман служил у него дворецким и еще при жизни графа получил *отпускную* (34); Отец-то мой, покойник (царство ему небесное!), человек был справедливый, горячий был тоже человек, не вытерпел, - да и кому охота свое *доброе* терять? - и в суд просьбу подал(56); Он был *вольнотпущенный* дворовый человек; в нежной юности обучался музыке, потом служил камердинером, знал грамоте, почитывал, сколько я мог заметить, кое-какие книжонки и, живя теперь, как многие живут на Руси, без гроша наличного, без постоянного занятия, питался только что не манной небесной (74).

2.3. Грамматические диалектизмы (всего слов - 14): Грамматические диалектизмы характеризуются тем, что передают в своем большинстве архаичные черты, которые наблюдаются в южнорусских и севернорусских говорах. Например: Тут я, признаюсь, ее с сердцем прогнал и погрозил ей, и сказать жене *обещался* – использование вместо обычной глагольной формы, возвратного глагола (26); В начале августа *жары* часто стоят нестерпимые – употребление вместо единственного формы множественного числа (30); - А почему *с тягла?* - Девяносто пять *рублев* с тягла, - пробормотал Влас – архаичная падежная форма (39); - Любил бы... точно, - не теперь: теперь моя пора прошла - а *в молодых годах*... да знаете, неловко, по причине звания - архаичная падежная форма (59); И хоть бы это было справедливо, а то просто сосед Александра Владимырыча, Карасиков Антон, поспешил королевскому приказчику *сто Рублев ассигнациями* взнести - архаичная падежная форма (61); - Расклеилась; да *из дырьев* клепки повывалились (76); Мы все так ворохом и свалились, друг под дружку полезли... Уж как же мы *напужались* о ту пору! (93);

Захотят его, например, взять хрестьяне; выйдут на него *с дубьем*, оцепят его, но а он им глаза отведет - так отведет им глаза, что они же сами друга друга побьют (100); - В этом бучиле *в запрошлом* лете Акима-лесника утопили воры, - заметил Павлуша, - так, может быть, его душа жалобится (102).

2.4. Словообразовательные диалектизмы (всего слов - 8). Диалектизмы *словообразовательные* имеют общий корень с соответствующими словами общенародного языка: *гуска* (гусыня); *гордейка* (гордячка); *любжа* (любовь); *земляница* (земляника); *евонный* (его). Например: На другой день г-н Полутыкин *принужден* (вынужден) был отправиться в город по делу с соседом Пичуковым (7); Милости просим. Да *покойно* (спокойно) ли тебе будет в сарае? (8); Я прикажу бабам *постлать* (постелить) тебе простыню и положить подушку (9); Хорь говорил мало, посмеивался и *разумел* (понял) про себя (10); Нам принесли туда соломы, сена; работник на траве подле реки *наставил* (поставил) самовар и, присев на корточки, начал усердно дуть в трубу... (22); А не знаю. Она грамоте *разумеет* (понимает); в их деле оно... того... хорошо бывает (29); - Какое здоровье!.. А завтра, чай, тяга хороша будет. Вам теперь *соснуть* (уснуть) не худо (29); Хотел было *справиться* (спросить), не оставил ли покойник какого по себе добра, да толку не добился (38); Подите-ка, спросите у своих мужиков: как, мол, эта земля *прозывается*? (называется) (56); Дубовщиной она *прозывается* (называется), потому что дубьем отнята (56); Но *на возвратном* (обратном) пути бедный m-r Lejeune, полузамерзший и без барабана, попался в руки смоленским мужичкам (68); - Как же-с, сами: оне всегда сами. А то и приказ *девствовать* (действовать) не может (154).

2.5. Фонетические диалектизмы (всего слов - 12) – слова, отражающие фонетические особенности диалекта. Например, в группе северных говоров произносятся: *пецка* (печка), *цай* (чай), *доцка* (дочка): так проявляется "цоканье", следствие неразличения звуков *ц* и *ч*. И т.д. Например: Калиныч (как узнал я после) каждый день ходил с барином на

охоту, носил его сумку, иногда и ружье, замечал, где садится птица, доставал воды, набирал земляники, *устроивал* шалаши, бегал за дрожками; без него г-н Полутыкин шагу ступить не мог - оканье (6); За ужином я заговорил опять о Хоре да о Калиныче. "Калиныч - добрый мужик, - сказал мне г. Полутыкин, - усердный и услужливый мужик; хозяйство в исправности, *одначе*, содержать не может: я его все оттягиваю – употребление ч вместо к (7); - Вон один, *пострел*, не женится, - отвечал он, указывая на Федю, который по-прежнему прислонился к двери – употребление усеченной формы (9); Я к ее господам прежде хаживал. Их усадьба *отселева* недалеко употребление устаревшей формы (29); Разорившись кругом, отправился он в Петербург искать себе места и умер *в номере* гостиницы, не дождавшись никакого решения – употребление у вместо о (34); - Однако, - продолжал он, - на другой день больной, *в противность* моим ожиданиям, *не полегчило* - употребление и вместо а (45); В "*тверезом*" виде не лгал; а как выпьет - и начнет рассказывать, что у него в Питере три дома на Фонтанке: один красный с одной трубой, другой - желтый с двумя трубами, а третий - синий без труб, - и три сына (а он и женат-то не бывал): один в инфантерии, другой в кавалерии, третий сам по себе... - употребление устаревшей формы (57); "Нет, граф, говорит, я не купец: тряпицы ненужной не продам, а из чести хоть жену готов уступить, только не Миловидку... Скорее себя самого *в полон* отдам" - употребление полногласного оло (58); Ермил у нас *завсегда на пошту* ездит; собак-то он всех своих поморил: не живут они у него отчего-то, так-таки никогда и не жили, а псать он хороший, всем взял - употребление ш вместо ч (97); - Да... горячка... Третьего дня *за дохтуром* посылал управляющий, да дома *дохтура* не застали... - употребление устаревшей формы (113); А плотник был хороший; *зашибал маненько*, а хороший был плотник - употребление н вместо л (113).

2.6. Этнографические диалектизмы (всего слов - 214). Этнографические диалектизмы – это слова, представляющие местные названия предметов,

являющихся продуктом человеческой деятельности и известных на ограниченной территории, называются этнографизмами. Таковы слова, обозначающие многие бытовые предметы, некоторые сельскохозяйственные орудия, местные особенности жилых и хозяйственных построек и т.д.

Группы слов, обозначающие понятия близкие или непосредственно связанные благодаря связям именуемых объектов в реальной действительности или в человеческом сознании, называются тематическими группами. Их выделение возможно на разных основаниях в зависимости от степени обобщения предметов реальной действительности. Диалектные слова (и варианты слов) представлены в самых разнообразных тематических группах.

В речи персонажей произведения «Записки охотника» употребляются диалектные слова, являющиеся названиями предметов и явлений, которые характерны только для жителей этой местности. Данные этнографические диалектизмы можно разделить по нескольким тематическим группам.

2.6.1. Диалектизмы, обозначающие Названия одежды, части одежды, обуви (65).

Лапоть (5)- В старое время: крестьянская обувь, сплетенная из лыка, охватывающая только стопу: Проезжая через деревню, г-н Полутыкин велел кучеру остановиться у низенькой избы и звучно воскликнул: "Калиныч!" - "Сейчас, батюшка, сейчас, - раздался голос со двора, - *лапоть* подвязываю" (6); Калиныч ходил *в лаптях* и перебивался кое-как (11); "Ну, хоть бы *на лапти* дал: ведь ты с ним на охоту ходишь; чай, что день, *то лапти*" (14).

Панёва (1) – женская верхняя одежда: За несколько медных грошей баба отдает "орлу" не только всякую ненужную тряпицу, но часто даже мужнину рубаху и собственную *паневу* (11).

Кушак (9)- Пояс, обычно широкий, матерчатый: Этот человек ходил в зиму и лето в желтоватом нанковом кафтане немецкого покроя, но подпоясывался *кушаком*; носил синие шаровары и шапку со смушками, подаренную ему, в веселый час, разорившимся помещиком (18); *К кушаку* привязывались два мешка, один спереди, искусно перекрученный на две половины, для пороху и для дробы, другой сзади - для дичи; хлопки же Ермолай доставал из собственной, по-видимому неистошмой, шапки (18).

Кафтан (15) - Старинная мужская долгополая верхняя одежда: Ходили темные слухи, что состоял он когда-то у кого-то в камердинерах; но кто он, откуда он, чей сын, как попал в число шумихинских подданных, каким образом добыл *мухояровый*, с незапамятных времен носимый им кафтан, где живет, чем живет, - об этом решительно никто не имел ни малейшего понятия, да и, правду сказать, никого не занимали эти вопросы (32); Смотрят *мужики - что за диво! - Ходит барин в плисовых панталонах*, словно кучер, а сапожки обул *с оторочкой*; рубаху красную надел и *кафтан* тоже кучерской; бороду отпустил, а на голове така шапонька мудреная, и лицо такое мудренное, - пьян, не пьян, а и не в своем уме (62).

Затрапез (1) – каждодневная одежда из дешёвой грубой ткани: Я, разумеется, тотчас же приказал ее остричь, одеть *в затрапез* и сослать в деревню (28).

Ферязь (1) – старинная русская одежда: Овсяников своею важностью и неподвижностью, смышленостью и ленью, своим прямодушием и упорством напоминал мне русских бояр допетровских времен... *Ферязь* бы к нему пристала (51).

Буфы (1) - Собранные в пышные сборки части одежды (на рукавах, юбках): Одежда на нем была немецкая, но одни неестественной величины *буфы* на плечах служили явным доказательством тому, что кроил ее не только русский - российский портной (64).

Армяк (8) - В старину у крестьян: кафтан из толстого сукна: - Ступайте с Богом! Я устал: в город ездил, - сказал он мне и потащил себе *армяк* на

голову (116); На нем был новый тонкий *армяк* из серого сукна с *плисовым* воротником, от которого резко отделялся край алой рубахи, плотно застегнутой вокруг горла (207).

Мухояр (5) – Старинный азиатская ткань, бумажная с шелком или шерстью: Один, довольно плотный и высокого роста, в темно-зеленом опрятном кафтане и пуховом картузе, удил рыбу; другой, худенький и маленький, в *мухояровом* заплатанном сюртучке и без шапки, держал на коленях горшок с червями и изредка проводил рукой по седой своей головке, как бы желая предохранить ее от солнца (31); Ходили темные слухи, что состоял он когда-то у кого-то в камердинерах; но кто он, откуда он, чей сын, как попал в число шумихинских подданных, каким образом добыл *мухояровый*, с незапамятных времен носимый им кафтан, где живет, чем живет, - об этом решительно никто не имел ни малейшего понятия, да и, правду сказать, никого не занимали эти вопросы (32).

Замашная (3) – ткань для изготовления грубой одежды: Одеждой своей он щеголять не мог: вся она состояла из простой *замашной* рубахи да из заплатанных *портов* (91).

Свитка (1) – верхняя одежда: На нем были новые *лапти* и *онучи*; толстая веревка, три раза перевитая вокруг стана, тщательно стягивала его опрятную черную *свитку* (92).

Рогожа (2) - Грубый плетёный из мочала материал для упаковки: Ваня выскочил из-под своей *рогожи*. Павлуша с криком бросился вслед за собаками (97); Ваня опять забился *под рогожку* (98).

Ливрея (2) - Одежда с галунами и шитьем для швейцаров, лакеев, кучеров: Странное какое-то беспокойство овладевает вами в его доме; даже комфорт вас не радует, и всякий раз, вечером, когда появится перед вами завитый камердинер в голубой *ливрее* с гербовыми пуговицами и начнет подобострастно стягивать с вас сапоги...(134); Экипаж, правда, у Хвалынского формы довольно старинной; на лакеях ливрея довольно потертая (о том, что она серая с красными выпушками, кажется, едва ли

нужно упомянуть); лошади тоже довольно пожилы и послужили на своем веку, но на щегольство Вячеслав Илларионыч притязаний не имеет и не считает даже званию своему приличным пускать пыль в глаза (181).

Фес (1) – турецкая красная шапочка с кисточкой: На Аркадии Павлыче были широкие шелковые шаровары, черная бархатная куртка, красивый *фес* с синей кистью и китайские желтые туфли без задков (135).

Кокошник (2) – старинный женский головной убор: Он же приказал своим крепостным бабам носить *кокошники* по высланному из Петербурга образцу; и действительно, до сих пор в имениях его бабы носят *кокошники*... только сверху *кичек*... (179).

Шлафрок (1) – домашний халат: Он большой хлебосол и балагур; живет, как говорится, в свое удовольствие; зиму и лето ходит в полосатом *шлафроке* на вате (182).

Чуйка (3) – длинный кафтан (старинная русская одежда): На нем была довольно опрятная суконная *чуйка*, вдетая на один рукав; высокая остроконечная шапка, прямо надвинутая на брови, придавала его круглому, пухлому лицу выражение лукавое и насмешливое (205).

Архалук (1) – короткий кафтан: Одет он был забубенным помещиком, посетителем конных ярмарок, в пестрый, довольно засаленный *архалук*, полинявший шелковый галстук лилового цвета, жилет с медными пуговками и серые панталоны с огромными раструбами, из-под которых едва выглядывали кончики нечищенных сапог (222).

Картуз (3) – шапка: Приезжий сел на лавку, бросил *картуз* на стол и провел рукой по волосам (223); Его одежда изобличала притязание на вкус и щегольскую небрежность: на нем было коротенькое пальто бронзового цвета, вероятно, с барского плеча, застегнутое доверху, розовый галстучек с лиловыми кончиками и бархатный черный *картуз* с золотым *галуном*, надвинутый на самые брови (240); Один, довольно плотный и высокого роста, в темно-зеленом опрятном кафтане и пуховом *картузе*, удил рыбу; другой, худенький и маленький, в мухояровом заплатанном сюртучке и без

шапки, держал на коленях горшок с червями и изредка проводил рукой по седой своей головке, как бы желая предохранить ее от солнца (31).

Панталоны (3) – брюки: Носит он обыкновенно сюртук, застегнутый доверху, высокий галстук с накрахмаленными воротничками и *панталоны* серые с искрой, военного покроя; шляпу же надевает прямо на лоб, оставляя весь затылок наружи (178); Одет он был забубенным помещиком, посетителем конных ярмарок, в пестрый, довольно засаленный архалук, полинявший шелковый галстук лилового цвета, жилет с медными пуговками и серые *панталоны* с огромными раструбами, из-под которых едва выглядывали кончики нечищенных сапог (222).

Зипун (1) – кафтан, верхняя крестьянская одежда: Как только, бывало, вспомню, что она *в зипуне* гусей гоняет, да в черном теле, по барскому приказу, содержится, да староста, мужик в дегтярных сапогах, ее ругательски ругает - холодный пот так с меня и закапает (228).

2.6.2. Диалектизмы, обозначающие названия орудий труда (25 слов).

Арапельник, – арапник, специальный кнут; Арапник (1) - Длинная охотничья плеть с короткой рукояткой: Их сиятельство *арапельником* этак изволят шелкнуть, а псаря загогочат, да и двинутся со двора долой (36).

Дощаник (3) - Плоская лодка, сколоченная из старых барочных досок: - У Сучка есть *дощаник*, - заметил Владимир, - да я не знаю, куда он его спрятал (75); Да кто ж *на дощаниках* гребет? Надо пихаться. Я с вами поеду; у меня там есть шестик, - а то и лопатой можно (77); Через четверть часа мы уже сидели *в дощанике* Сучка (80).

Чан (2) - сетка, которой бумагу черпают: Всполохнулись мы, смотрим - ничего... Вдруг, глядь, у одного *чана* форма зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этак по воздуху, словно кто ею полоскал, да и опять на место (93); Потом у другого *чана* крюк снялся с гвоздя да опять на гвоздь; потом будто кто-то к двери пошел да вдруг как закашляет, как заперхает, словно овца какая, да зычно так... (93).

Облучок (2) – передняя часть телеги: Он задергал вожжами, завозился *на облучке* и начал покрикивать на лошадей, то и дело поглядывая куда-то в сторону (111); Кучер мой бережно вложил тавлинку в карман, надвинул шляпу себе на брови, без помощи рук, одним движением головы, и задумчиво полез *на облучок* (113).

Ягдташ (16) – охотничья сумка: Я положил голову *на ягдташ*, заменявший мне подушку, и закрыл глаза (157); Он велел оседлать лошадь, надел зеленый сюртучок с бронзовыми пуговицами, изображавшими кабаньи головы, вышитый гарусом *ягдташ*, серебряную флягу, накинул на плечо новенькое французское ружье...(189).

Песочницы (1) – прибор для посыпания песком написанного, до появления промокательной бумаги: В сопровождении моей продрогшей собаки взошел я на крылечко, в сени, отворил дверь, но, вместо обыкновенных принадлежностей избы, увидел несколько столов, заваленных бумагами, два красных шкафа, забрызганные чернильницы, оловянные *песочницы* в пуд весу, длиннейшие перья и прочее (150).

2.6.3. Диалектизмы, обозначающие названия домашней утвари (7 слов).

Оклад (1) – Богато украшенная рама, в которую вставлялась икона: Ни одна суздальская картина не залепляла чистых бревенчатых стен; в углу, перед тяжелым образом в серебряном *окладе*, теплилась лампадка; липовый стол недавно был выскоблен и вымыт; между бревнами и по косякам окон не скиталось резвых прусаков, не скрывалось задумчивых тараканов (4).

Кадка (2) - Цилиндрической формы вместилище со стенками из деревянных клёпок, обтянутое обручами: Я поднял голову: перед огнем, на опрокинутой *кадке*, сидела мельничиха и разговаривала с моим охотником (23); Я вышел из-под навеса; мельничиха поднялась *с кадки* и хотела уйти (24).

Черпалка (1) - Сосуд для черпания: Я добрался до ключа, на траве лежала *черпалка* из бересты, оставленная прохожим мужиком на пользу общую (31).

Штоф (1) - Старая русская мера водки, равная 1/10 ведра, а также бутылка такой меры: Запечатанные *штофы* разной величины рядком стоят на полках, прямо против отверстия (206).

Горки (1) – шкаф для посуды: С террасы стеклянная дверь вела в гостиную; а в гостиной вот что представлялось любопытному взору наблюдателя: по углам изразцовые печи, кисленькое фортепьяно направо, заваленное рукописными нотами, диван, обитый полинялым голубым штофом с беловатыми разводами, круглый стол, две *горки* с фарфоровыми и бисерными игрушками екатерининского времени, на стене известный портрет белокурой девицы с голубком на груди и закатившимися глазами, на столе ваза с свежими розами...(266).

Лубочная картина (1) – картина, напечатанная с лубка (липовой доски): Деревенские кабаки большей частью довольно темны, и почти никогда не увидите вы на их бревенчатых стенах каких-нибудь ярко раскрашенных *лубочных картин*, без которых редкая изба обходится (206).

2.6.4. Диалектизмы, обозначающие названия животных, растений и их частей (8 слов).

Битюк (2) - Битюками, или сбитюками, называются особенной породы лошади, которые развелись в Воронежской губернии около известного "Хренового" (бывшего конного завода гр. Орловой) (55): Однажды рьяный *битюк* помчал его под гору к оврагу (55): Никто не ушибся, один *битюк* вывихнул себе ногу (55).

Легавый – (2) порода охотничьей собаки: Была у него и *легавая* собака, по прозванию Валетка, преудивительное создание (19); Не успели мы ступить несколько шагов, как нам навстречу из-за густой ракиты выбежала довольно дрянная *легавая* собака, и вслед за ней появился человек среднего роста, в синем сильно потертом сюртуке, желтоватом жилете,

панталонах цвета *гри-де-лень*. или бле-д-амур наскоро засунутых в дырявые сапоги, с красным платком на шее и одноствольным ружьем за плечами (74).

Поршок (1) - молодой перепел: Касьян их передразнивал, перекликался с ними; *поршок* полетел, чиликая, у него из-под ног - он зачиликал ему вслед; жаворонок стал спускаться над ним, трепеща крылами и звонко распевая, - Касьян подхватил его песенку (76).

Зеленя (1) – молодые всходы хлебов: - Удивительные, можно сказать, *зеленя* в нынешнем году-с, - заговорил он опять, - я все ехал да любовался (156).

Череда (1) – название травы: А это вот *череда* - против золотухи (243).

Донник (1) – название травы: Мерными шагами дошел он до печки, сбросил свою ношу, приподнялся, достал из заднего кармана табакерку, вытаращил глаза и начал набивать себе в нос тертый *донник*, смешанный с золой (159).

2.6.5. Диалектизмы, обозначающие названия жилых и дворовых построек, помещений (11).

Служба (1) – хозяйственные постройки: Напротив этой церкви некогда красовались обширные господские хоромы, окруженные разными пристройками, *службами*, мастерскими, конюшнями, грунтовыми и каретными сараями, банями и временными кухнями, флигелями для гостей и для управляющих, цветочными оранжереями, качелями для народа и другими, более или менее полезными, зданиями (31).

Магазин (3) – склад, помещение для зерна: А вот что: *магазины* хлебные у нас в исправности, то есть лучше быть не может; вдруг приезжает к нам чиновник: приказано-де осмотреть *магазины* (65); Осмотрел и говорит: "В беспорядке ваши *магазины*, упущенья важные, начальству обязан донести" (65); "Да точно ли у вас *магазины* в исправности?" - спрашиваю я (65).

Рольня, черпальня (1) - строение, где в чанах вычерпывают бумагу, которое находится у самой плотины, под колесом: - А он у вас где водится? - спросил Павлуша. - В старой *рольне* (92).

Полати (2) - В избе: нары для спанья, устраиваемые под потолком между печью и стеной: - Твой батька сам это рассказывал? - продолжал Федя. Сам. Я лежал *на полатях*, все слышал (96); Изба лесника состояла из одной комнаты, закоптелой, низкой и пустой, *без полатей* и перегородок (169).

Паперть (1) - Крыльцо, площадка перед входом в церковь: Стоит только ночью сесть *на паперть* на церковную да все на дорогу глядеть (99).

Рига (1) – место для сушки снопов: Мы осмотрели гумно, *ригу*, овины, сараи, ветряную мельницу, скотный двор, зелены, конопляники; все было действительно в отличном порядке, одни унылые лица мужиков приводили меня в некоторое недоумение (141).

Дворовая изба (1) – помещение, где жили помещичьи слуги: - Как не быть самоваров, - с важностью возразил малый в сером кафтане, - ступайте к отцу Тимофею, а не то *в дворовую избу*, а не то к Назару Тарасычу, а не то к Аграфене-птишнице (151).

Овин (1) Сарай для хранения необомолоченных снопов: Мы осмотрели гумно, ригу, овины, сараи, ветряную мельницу, скотный двор, зелены, конопляники; все было действительно в отличном порядке, одни унылые лица мужиков приводили меня в некоторое недоумение (141); Впрочем, в деле хозяйничества никто у нас еще не перещеголял одного петербургского важного чиновника, который, усмотрев из донесений своего приказчика, что *овины* у него а имении часто подвергаются пожарам, отчего много хлеба пропадает, - отдал строжайший приказ: вперед до тех пор не сажать снопов в овин, пока огонь совершенно не погаснет (179).

2.6.6. Диалектизмы, относящиеся к ландшафту местности (76 слов).

Площадь (6) – "Площадями" называются в Орловской губернии большие сплошные массы кустов, орловское наречие отличается вообще

множеством своебытных иногда весьма метких, иногда довольно безобразных, слов и оборотов: В Орловской губернии последние леса и *площадь* исчезнут лет через пять, а болот и в помине нет; в Калужской, напротив, засеки тянутся на сотни, болота на десятки верст, и не перевелась еще благородная птица тетерев, водится добродушный дупель, и хлопотунья куропатка своим порывистым взлетом веселит и пугает стрелка и собаку (3).

Вотчина (12) - На Руси до 18 в.: родовое наследственное земельное владение: "А что, - спросил он меня в другой раз, - у тебя своя *вотчина* есть?" (15); Вот и взяли моего отца и в вашу *вотчину* повели (56); Человек он, вы знаете, молодой, недавно после матери наследство получил. Вот приезжает к себе *в вотчину* (62); В собственной *вотчине* живет, словно чужой (63).

Майер (8) - широкий пруд, заросший по краям и кое-где посередине заросший густым тростником: Эта речка верст за пять от Льгова превращается в широкий пруд, по краям и кое-где посередине заросший густым тростником, по-орловскому – *майером* (73); Мы пошли было с Ермолаем вдоль пруда, но, во-первых, у самого берега утка, птица осторожная, не держится; во-вторых, если даже какой-нибудь отсталый и неопытный чирок и подвергался нашим выстрелам и лишался жизни, то достать его *из* сплошного *майера* наши собаки не были в состоянии: несмотря на самое благородное самоотвержение, они не могли ни плавать, ни ступать по дну и только даром резали свои драгоценные носы об острые края *тростников* (74); Всех подстреленных уток мы, конечно, не достали: легко подраненные ныряли; иные, убитые наповал, падали в такой густой *майер*, что даже рысьи глазки Ермолая не могли открыть их; но все-таки к обеду лодка наша через край наполнилась дичью (81).

Колдобины (6) - Глубокое место, яма в пруде или реке: - Да, он не глубок, - заметил Сучок, который говорил как-то странно, словно спросонья, - да на дне тина и трава, и весь он травой зарос. Впрочем, есть тоже и *колдобины*

(77); До берега было около двухсот шагов, Ермолай шел смело и безостановочно (так хорошо заметил он дорогу), лишь изредка покрикивая: "Левей, - тут направо *колдобина!*" или: "Правей, - тут лево завязнешь..." (84).

Бучило (3) - глубокая яма с весенней водой, оставшейся после половодья, которая не пересыхает даже летом: Шел я из Каменной Гряды в Шашкино; а шел сперва все нашим орешником, а потом лужком пошел - знаешь, там, где он сугибелью выходит, - там ведь есть *бучило*; знаешь, оно еще все камышом заросло; вот пошел я мимо этого бучила, братцы мои, и вдруг из того-то *бучила* как застонет кто-то, да так жалостливо, жалостливо: у-у... у-у... у-у! (102); - В этом *бучиле* в *запрошлом* лете Акима-лесника утопили воры, - заметил Павлуша, - так, может быть, его душа жалобится (102); Я и не знал, что Акима в том *бучиле* утопили: я бы еще не так напужался (102).

Околоток (8) - Окружающая местность, окрестность: Этот луг славится в наших *околотках* под названием Бежина луга...(89); Небольшое сельцо Колотовка, принадлежавшее некогда помещице, за лихой и бойкий нрав прозванной в *околотке* Стрыганихой (настоящее имя ее осталось неизвестным), а ныне состоящее за каким-то петербургским немцем, лежит на скате голого холма, сверху донизу рассеченного страшным оврагом, который, зияя как бездна, вьется, разрытый и размытый, по самой середине улицы и пуще реки, - через реку можно по крайней мере навести мост, - разделяет обе стороны бедной деревушки (201).

Выселок (3) - Небольшой посёлок на новом месте, выделившийся из другого селения: - Сломалась-то она сломалась; ну, а *до выселок* доберемся... шагом, то есть. Тут вот за рощей направо есть *выселки*, Юдиными *прозываются* (113); Мы действительно добрались *до выселков*, хотя правое переднее колесо едва держалось и необыкновенно странно вертелось (114); Юдины *выселки* состояли из шести низеньких и

маленьких избушек, уже успевших скривиться набок, хотя их, вероятно, поставили недавно: дворы не у всех были обнесены плетнем (114).

Сечки (6) – срубленное место в лесу: А на чем же вы на *ссечки* поедете?.. В эти *оглобли* нашу лошадь не впряжешь: наши лошади большие, а это что такое? (118); Мы скоро доехали *до ссечек*, а там добрались и до конторы, высокой избы, одиноко стоявшей над небольшим оврагом, на скорую руку перехваченным плотиной и превращенным в пруд (118); Я нашел в этой конторе двух молодых купеческих приказчиков, с белыми, как снег, зубами, сладкими глазами, сладкой и бойкой речью и сладкоплутоватой улыбочкой, сторговал у них ось и отправился *на сечки* (119).

Мелоча (4) – мелкий кустарник: В низких кустах, "*в мелочах*", и *на осечках* часто держатся маленькие серые птички, которые то и дело перемещаются с деревца на деревцо и посвистывают, внезапно ныряя на лету (119); Он согласился. "Только, - говорит, - поедемте *по* моим *мелочам*, к Зуше; я кстати посмотрю Чаплыгино; вы знаете, мой дубовый лес? У меня его рубят" (189).

Сухмень (1) - очень сухое, пыльное место: Там места привольные, речные, гнездо наше; а здесь теснота, *сухмень*... (124).

Суглинок (1) - почва, содержащая глину и песок, с преобладанием глины: Ну, здесь, точно, земля лучше; *суглинок*, хороший *суглинок*, говорят крестьяне; да с меня хлебушка-то всюду вдоволь народится (124).

Верх (2) - "Верхом" называется в Орловской губернии овраг: - А в лесу шалят... У Кобыльего *Верху* дерево рубят, - прибавил он в ответ на мой вопрошающий взор (172).

Слобода (2) - В России до отмены крепостного права: большое село с некрепостным населением, а также торговый или ремесленный посёлок: - Знаю я вас, - угрюмо возразил лесник, - ваша вся *слобода* такая - вор на воре (174).

Притынный (кабак) (4) - притынным называется всякое место, куда охотно сходятся, всякое уютное место: Над дверью избушки прибита голубая

дощечка: эта избушка - кабак, прозванный "*Притынным*" (202); Был невыносимо жаркий июльский день, когда я, медленно передвигая ноги, вместе с моей собакой поднимался вдоль Колотовского оврага в направлении *Притынного* кабачка (203).

Околоток (12) - Окружающая местность, окрестность: Уже не раз доходили до меня слухи об Яшке-Турке как о лучшем певце в *околотке*, и вдруг мне представился случай услышать его в состязании с другим мастером (205); Настоящее имя этого человека было Евграф Иванов; но никто во всем *околотке* не звал его иначе как Обалдуем, и он сам величал себя тем же прозвищем: так хорошо оно к нему пристало (209).

2.6.7. Диалектизмы, относящиеся к названиям природных явлений (9).

Тяга (8) - Весенний перелёт крупных птиц (вальдшнепов, гусей, уток) в поисках самки: Вечером мы с охотником Ермолаем отправились на "*тягу*"... Но, может быть, не все мои читатели знают, что такое *тяга*. Слушайте же, господа (17); Итак, мы с Ермолаем отправились *на тягу*; но извините, господа: я должен вас сперва познакомить с Ермолаем; Этого-то человека я взял к себе в охотники, и с ним-то я отправился *на тягу* в большую березовую рощу, на берегу Исты (21); - Какое здоровье!.. А завтра, чай, *тяга* хороша будет. Вам теперь соснуть не худо (29).

Ростепель (1)- Вот, извольте видеть, дело было этак, как бы вам сказать - не солгать, в Великий пост, в самую *ростепель* (42).

2.6.8. Диалектизмы, характеризующие человека, его общественное положение, его физическое состояние (13).

Ктитор (1) – церковный староста: Кроме Митрофана с его семьей да старого глухого *ктитора* Герасима, проживавшего Христа ради в каморочке у кривой солдатки, ни одного дворового человека не осталось в Шумихине, потому что Степушку, с которым я намерен познакомить читателя, нельзя было считать ни за человека вообще, ни за дворового в особенности (32).

Лисовщик (1) – работник, который гладит, скоблит бумагу: - Как же, ходим. Мы с братом, с Авдюшкой, *в лисовщиках* состоим (93).

Ключница (1) – работница: - Вы что? А вы с этой старой ведьмой, *с ключницей*, не стакнулись небось?(164).

Бирюк (8) - бирюком называется в Орловской губернии человек, одинокий и угрюмый: - Меня зовут Фомой, - отвечал он, - а по прозвищу Бирюк (171); *Бирюк* поднялся и поставил его на ноги (173).

Малоросс (1) – украинец: Хлопотун он и жила страшный, а хозяин плохой: взял к себе в управители отставного вахмистра, *малоросса*, необыкновенно глупого человека (179).

Степняки (1) – помещики, имения которых находились в степной части России: И *степняки*, и образованные помещики обходились с тобою как с учителем одни - грубо, другие – небрежно (197).

3. Диалектизмы – служебные слова (4): А в последнюю-то ночь, вообразите вы себе, - сижусь я *подле* нее и уж об одном Бога прошу: прибери, дескать, ее поскорей, да и меня тут же...(50) - предлог; А она только *знай* приподнимается да поглядывает (56); На службе казенной состоял - бросил службу: *вишь*, ему ходу не было... (63); - Не на твои ли деньги? *ась?* Ну, ну, хорошо, скажу ему, скажу (67) - частицы.

4. Диалектизмы, используемые для речевой характеристики героев (8): В качестве речевой характеристики героев в «Записках охотника», - по словам П. Г. Пустового, - употребляются искаженные иностранные слова: «щеколат», «ниверситеты», «ладеколон», «фейвирки», «кеатр» и другое. Однако, данное явление можно характеризовать и как кумулятивную функцию диалектизмов, которая осуществляется через прием нарушения целостности графического образа слова, то есть отступления от правил орфографии и грамматики: Собою красавец, богат, *в ниверситетах* обучался, кажись, и за границей побывал, говорит плавно, скромно, всем нам руки жмет (60); - Что ж, ты и у ней был поваром?

- Сперва точно был поваром, а то и *в кофишенки* попал.

- Во что?

- *В кофишенки* (78).

- И ты все время был *кофишенком*?

- Нет, не все время: был и *ахтером* (78).

- Как же, был... *на кеятре* играл. Барыня наша *кеятр* у себя завела (79).

- А в разных должностях состоял: сперва в казачках находился, *фалетором* был, садовником, а то и *доезжачим* (79).

Особый оттенок кумулятивная функция приобретает через диалектно-просторечно-разговорные контексты, встречающиеся обычно в речи персонажей. Однако, иногда такие контексты встречаются и в авторской речи, например, в рассказе «певцы» автор говорит о Моргаче: «Я никогда не видывал более пронизательных и умных глаз, как его крошечные, лукавые «гляделки», - и к слову «гляделки» дает сноску: «орловцы называют глаза гляделками, так же как и рот едалом». [Пустовой, 30].

5. Фразеологические диалектизмы (12). В «Записках охотника» фразеологизмы встречаются в большом количестве и используются они, на наш взгляд, также для характеристики героев. Например: В это время, от двенадцати до трех часов, самый решительный и сосредоточенный человек не в состоянии охотиться и самая преданная собака начинает "*чистить охотнику шпоры*", то есть идет за ним шагом, болезненно прищулив глаза и преувеличенно высунув язык, а в ответ на укоризны своего господина униженно виляет хвостом и выражает смущение на лице, но вперед не подвигается (30); Племяннику моему лоб забрила: на новое платье щеколат ей обронил... *и не одному ему забрила лоб* (37); Жена, чай, теперь *с голоду в кулак свистит* (39); Коли кучер сидит князем, да шапки не ломает, да еще посмеивается из-под бороды, да кнутиком шевелит - смело бей на две депозитки! (44); Узнать ее нельзя: *краше в гроб кладут* (50); Замучил было отца совсем: *не мытьем, так катаньем* (56); Пьяный был человек и любил

угощать, и как подопьет да скажет по-французски "се бон" ("это хорошо" (от франц. *c'est bon*). да облизнется - *хоть святых вон носи!* (56); И-их, ваш дедушка рассердится! "*Жив быть не хочу, коли не повешу бездельника! Наизнанку антихриста выворочу! Пятки душегубцу сквозь горло протащу!*" (59); Его же мужики рассказывали, да я их речей *в толк не возьму* (62); Прержний-то приказчик на первых порах вовсе перетрусился: перед приездом Василья Николаича дворы крестьянские обегал, всем кланялся, - видно, *чуяла кошка, чье мясо съела!*(62); И мужики надеялись, думали: "*Шалишь, брат! Ужо тебя к ответу потянут, голубчика; вот ты ужо напляшешься, жила ты этакой!..*" (63); Да это бы *еще куда ни шло*, - а то в ябедники пустился! (64); Крестьянам просьбы сочиняет, доклады пишет, *сотских* научает, землемеров *на чистую воду выводит*, по питейным домам таскается, с бессрочными, с мещанами городскими да с дворниками на постоянных дворах знается (64); А что вам на меня по этому случаю нажаловались, - дело понятное: *всякому своя рубашка к телу ближе* (65); Что он красно говорит, - вишь, *невидадь какая!* (66); - А, а! - с укоризной заговорила волчья шуба. - С двенадцатью языком на Россию шел, Москву сжег, окаянный, крест с Ивана Великого стащил, а теперь - мусье, мусье! а теперь и *хвост поджал!* (68); В острог его посадят, например, - он попросит водицы испить в ковшике: ему принесут ковшик, а он нырнет туда, да и *поминай как звали* (101); Все как крикнут: "Ой, Тришка идет! ой, Тришка идет!" - да *кто куды!* (101); Тут у нас купцы рошу купили, - Бог им судья, сводят рошу-то, и контору выстроили, *Бог им судья* (117).

Заключение

Таким образом, рассмотрев, рассмотрев диалектную лексику в произведении И.С. Тургенева «Записки охотника» мы пришли к следующим выводам:

1. "Записки охотника" — поистине гениальное творение художника крестьянской души, изобразившего картину контрастов и гармонии удивительного русского характера, сочетающего в себе нетронутое природное начало, богатырскую силу и в тоже время чувствительность и ранимость. Повествователь, голос которого мы слышим со страниц «Записок охотника», дает описание природы как человек, тонко чувствующий красоту своей страны. Он знает о природе столько, сколько и любой из крестьян.

2. На примере "Записок охотника" нами было показано многообразие использования диалектной лексики в художественной литературе. Были даны толкования ряда диалектизмов.

3. Диалектизмы – это богатство русского языка. Это явление нельзя оценить отрицательно, так как в диалектах сохранились многие черты, которые были свойственны русскому языку в древности.

4. Диалектная лексика – наиболее распространённое средство создания национального или – уже – местного колорита в традициях русской литературы. Она употребляются в художественных произведениях для речевой характеристики персонажа.

5. Анализ диалектных особенностей языка "Записок охотника" позволяет сделать следующие выводы:

В «Записках охотника» нами выделено 324 диалектизма. Из них:

5.1. В области лексики выделяются лексические диалектизмы (54 слова) и Семантические диалектизмы (12 слов).

5.2. В области грамматики выделяются грамматические диалектизмы (14 слов), словообразовательные диалектизмы (8 слов).

5.3. В области фонетики выделяются фонетические диалектизмы (12 слов).

5.4. Выделяются этнографические диалектизмы (214 слов), которые в свою очередь подразделяются на несколько тематических групп:

5.4.1. Диалектизмы, обозначающие названия одежды, части одежды, обуви (65 слов).

5.4.2. Диалектизмы, обозначающие названия орудий труда (25 слов).

5.4.3. Диалектизмы, обозначающие названия домашней утвари (7 слов).

5.4.4. Диалектизмы, обозначающие названия животных, растений и их частей (8 слов).

5.4.5. Диалектизмы, обозначающие названия жилых и дворовых построек, помещений (11 слов).

5.4.6. Диалектизмы, относящиеся к ландшафту местности (76 слов).

5.4.7. Диалектизмы, относящиеся к названиям природных явлений (9).

5.4.8. Диалектизмы, характеризующие человека, его общественное положение, его физическое состояние (13).

5.5. Диалектизмы – служебные слова (4).

5.6. Диалектизмы, используемые для речевой характеристики героев (8).

5.7. Фразеологические диалектизмы (12).

5.8. Нами составлен словарь диалектных слов «Записок охотника» (179 слов.)

Список использованной литературы

1. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. -М., 1949.
2. Блинова О. И. Язык художественных произведений как источник диалектной лексикографии. Тюмень, 1985.
3. Блинова О.И. Русская диалектология: Лексика. Учебное пособие. - Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. -133 с.
4. Булатова П.Н., Касаткин Л.Л., Строганов Т.Ю. О русских народных говорах. -М., 1975.
5. Виноградов В. В. История русского литературного языка. – М.,1978
6. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка VII – XIX веков. – М., 1982.
7. Ветвицкий В. Г. Диалектизмы как средство создания местного колорита в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон».- ЛГУ,1956.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. -М., 1989-. Т.1-4.
9. Жуковская Л.П. Типы лексических различий в диалектах русского языка//Вопросы языкознания, 1987. -С. 76-92.
10. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка [Учебное пособие для факультетов рус. языка и литературы пед. институтов]. -М., 1970.
11. Иванова Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии. -Л., 1981.
12. Калинин А.В. Лексика русского языка. - М., 1978.
13. Коготков Т.С. Русская диалектологическая лексикология. -М.: Наука, 1979. -335 с.
14. Козырев В.А. Лексика современных русских народных говоров. -М., 1982.
15. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка Текст. / С.И.Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1995.

16. Оленева Т.Б. Наименование сельскохозяйственных орудий и их деталей (На материале русских народных говоров; период XIX - начало XX в.). Автореферат кандидатской диссертации. -М., 1981. -18 с.
17. Прохорова В.Н. Диалектизмы в языке художественной литературы. - М., 1957.
18. Пустовой П. Г. И. С. Тургенев – художник слова.– М.,1980.
19. Русская диалектология /Под ред. проф. Л.Л. Касаткина. -М., 1989.
20. Русская диалектология: [Учеб. пособие для филол. фак-тов университетов]/Под ред. В.В. Колесова. -М., 1990.
21. Самотик Л. Г. Заметки о диалектизмах в творчестве В.Астафьева, М., 1998.
22. Современный русский язык /Валгина Н.С. и др. -М., 1987.
23. Современный русский язык /Касаткин Л.Л. и др. -М., 1989.
24. Современный русский язык /Лекант и др. -М., 1988.
25. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1986.

Языковой источник

Тургенев И.С. Записки охотника. – Ташкент, 1980.

Электронные ресурсы

<http://www.1sepember.ru> <http://www.jargon.ru/>

<http://www.rsl.ru/>

<http://www.gnpbu.ru/>

<http://www.shpl.ru/>

<http://www.inion.ru/>

<http://www.nbmgu.ru/>

<http://www.nlr.ru/>

<http://www.rasl.ru/>

<http://www.bolshe.ru/>

<http://www.saltykov.net.ru/>

<http://claw.ru/index.php>

Словарь диалектизмов произведения И.С. Тургенева «Записки охотника»

1. "Площадями" называются в Орловской губернии большие сплошные массы кустов, орловское наречие отличается вообще множеством своеобытных иногда весьма метких, иногда довольно безобразных, слов и оборотов.
2. Засеки – преграда из сваленных в кучу деревьев.
3. Оклад – Богато украшенная рама, в которую вставлялась икона (5).
4. Прусак – рыжие тараканы.
5. Недоимка - Не уплаченный в срок налог, сбор.
6. Бестия - Плут, пройдоха.
7. Лапоть - В старое время: крестьянская обувь, сплетенная из лыка, охватывающая только стопу.
8. Дрожки - Лёгкий открытый рессорный экипаж.
9. Орел - Поставщики материала на бумажные фабрики.
10. Панёва – женская верхняя одежда.
11. Замашки – разновидность канопли, употреблявшейся для изготовления грубой одежды.
12. Дрянной – плохой, бедный
13. Разметать – сломать
14. Задворка –
15. Задумчивый – медлительный
16. Набольший – начальник, старший
17. лядащий - человек ни на какую работу не годный.
18. улепетывать - проходить, пробежать
19. дешевая дудка, кукушкин перелет - Охотникам до соловьев эти названья знакомы: ими обозначаются лучшие "колена" в соловьином пенье.
20. Прасол - Оптовый скупщик скота и разных припасов (обычно мяса, рыбы) для перепродажи.

21. Кадка - Цилиндрической формы вместилище со стенками из деревянных клёпок, обтянутое обручами.
22. Затрапез – каждодневная одежда из дешёвой грубой ткани.
23. Откупить – выкупить крепостного крестьянина у помещика.
24. Жары – очень жаркие дни.
25. чистить охотнику шпоры – фразеол. – то есть идти за хозяином.
26. Околоток - Окружающая местность, окрестность.
27. черпалка - Сосуд для черпания.
28. мухояровая ткань – ткань с примесью шерсти или шелка.
29. Служба – хозяйственные постройки.
30. ктитор – церковный староста.
31. Отвесной – нагрузка.
32. Состоять – служить
33. Притулиться – приютиться
34. Христоваться – целоваться (религиозный обряд в первый день пасхи).
35. отпускная – документ о том, что крепостной крестьянин отпускается на свободу.
36. Плетушка – сплетенная из прутьев корзина для рыбы.
37. Пуды – в знач. тяжесть
38. арапельник – арапник, специальный кнут.
39. Живот – жизнь
40. Лакосез-матрадура – искаженное название двух танцев экосез и матрадур.
41. Матрески - матросы
42. Вестимо – видимо.
43. Оброк – налог
44. Барщина – налог
45. Недоимка - вид налога.
46. Справиться - спросить.
47. Лоб забрить – отдать в солдаты.

48. С полугоря – не очень расстраиваться.
49. Что фа - восклицание, выражающее отчаяние.
50. Целковый – рубль.
51. Холстом попользоваться – заплатить доктору не деньгами, а материей.
52. Сидеть князем – держаться важно.
53. не ломать шапку - не снимать шапку.
54. Депозитка – деньги или ценные бумаги.
55. Бестия – плут, пройдоха.
56. Ферязь – старинная русская одежда.
57. Олгодворец – мелкий землевладелец.
58. Сшибка – столкновение.
59. Битюк - (Битюками, или сбитюками, называются особенной породы лошади, которые развелись в Воронежской губернии около известного "Хренового" (бывшего конного завода гр. Орловой) (55).
60. Становой - полицейский
61. Исправник – начальник уездной полиции.
62. Магазин – склад, помещение для зерна.
63. Майер – тростник
64. гри-де-лень - розовато-серого (от франц. gris de lin).
65. бле-д-амур - голубовато-серого (от франц. bleu d'amour).
66. Дощаник - Плоская лодка, сколоченная из старых барочных досок.
67. Колдобины - Глубокое место, яма в пруде или реке.
68. Кофишенок – слуга, подававший кофе к столу.
69. Ягдташ – охотничья сумка
70. Околоток – местность, окрестность.
71. Замашная – простая, грубого полотна.
72. Свитка – верхняя одежда.
73. Армяк – одежда
74. Рольня, черпальня - строение, где в чанах вычерпывают бумагу, которое находится у самой плотины, под колесом (92).

75. Лисовщики – работники, которые гладят, скоблят бумагу.
76. Дворцом называется у нас место, по которому вода бежит на колесо.
77. Чан - сетка, которой бумагу черпают.
78. Намедни – Совсем недавно, на днях.
79. Полати - В избе: нары для спанья, устраиваемые под потолком между печью и стеной.
80. Казюли - по-орловскому: змеи.
81. Отпрукать – произнести «тпру-тпру», чтобы лошадь стояла смирно.
82. Рогожа - Грубый плетёный из мочала материал для упаковки.
83. Паперть - Крыльцо, площадка перед входом в церковь.
84. Предвиденье небесное - солнечное затмение.
85. Светопрестановление – конец света.
86. Тришка - В поверье о "Тришке", вероятно, отозвалось сказание об антихристе (Прим. И.С.Тургенева.).
87. Сидни – неповоротливые люди.
88. Бочар - То же, что бондарь.
89. Жбан - Род кувшина с крышкой.
90. Сугибель – крутой поворот в овраге.
91. Бучило - глубокая яма с весенней водой, оставшейся после половодья, которая не пересыхает даже летом.
92. Облучок – передняя часть телеги.
93. Поезд - Ряд повозок, следующих одна за другой.
94. Зашибать – выпивать
95. Седелка – часть упряжи
96. Выселок - Небольшой посёлок на новом месте, выделившийся из другого селения.
97. Армяк - В старину у крестьян: кафтан из толстого сукна.
98. Сечки – срубленное место в лесу.
99. Сводят – то есть рубят
100. Осклабиться - Широко улыбнуться, показав зубы.

101. Оглобля - В упряжи: одна из двух круглых длинных жердей, укрепленных на передней оси повозки и соединяющихся с дугой.
102. Заложить – запрячь
103. Грядка – место
104. Поршок - молодой перепел.
105. Краснобай – человек, говорящий много
106. Живот – жизнь
107. Сухмень - очень сухое, пыльное место.
108. Суглинок - почва, содержащая глину и песок, с преобладанием глины.
109. Кузов - Короб из лыка или бересты.
110. Незадача – неудача
111. Отлукавиться – испортиться
112. Троечный – имеющий тройку лошадей.
113. Ливрея - Одежда с галунами и шитьем для швейцаров, лакеев, кучеров.
114. Вертлюг – место, где нога прикрепляется к туловищу.
115. Фес – турецкая красная шапочка с кисточкой.
116. Сказка – то есть документ
117. Кушак - Пояс, обычно широкий, матерчатый.
118. Рига – место для сушки снопов.
119. Зеленя – молодые всходы хлебов.
120. Песочницы – прибор для посыпания песком написанного, до появления промокательной бумаги.
121. Дворовая изба – помещение, где жили помещичьи слуги.
122. Ломберный стол – стол для игры в карты.
123. Дворня – слуги
124. Девствовать – действовать
125. Мозжить – здесь: несколько раз повторять одно и то же.
126. Донник – трава.
127. Ключница – работница

128. Фершел – фельдшер
129. Сабур – сок алоэ.
130. Полати – место над печкой для спанья.
131. Бирюк - бирюком называется в Орловской губернии человек, одинокий и угрюмый.
132. Верх - "Верхом" называется в Орловской губернии овраг.
133. Слобода - В России до отмены крепостного права: большое село с некрепостным населением, а также торговый или ремесленный посёлок.
134. Панталоны – брюки
135. Вахмистр – высшее солдатское звание в кавалерии.
136. Малоросс – украинец.
137. Овин – сарай для хранения необомолоченных снопов.
138. Кокошник – старинный женский головной убор.
139. Кичка - Старинный праздничный головной убор замужней женщины.
140. Кисейный – сделанный из тонкого прозрачного материала.
141. Выпушка – меховая обшивка по краям одежды.
142. Шлафрок – домашний халат.
143. Телесный – светло-бежевый
144. Мелоча – мелкий кустарник.
145. Кондиция – временное место домашнего учителя.
146. Степняки – помещики, имения которых находились в степной части России.
147. Притынный - притынным называется всякое место, куда охотно сходятся, всякое уютное место.
148. Целовальник – продавец в кабаке.
149. Красный товар – ткани, мануфактура.
150. Чуйка – длинный кафтан (старинная русская одежда).
151. Рядчик – наниматель рабочих, подрядчик.
152. Штоф – бутылка
153. Лубочная картина – картина, напечатанная с лубка (липовой доски).

154. Плисовый – хлопчатобумажный
155. Грош – монета в полкопейки.
156. Циркать - циркают ястреба, когда они чего-нибудь испугаются.
157. Гляделки - Орловцы называют глаза гляделками, так же как рот едалом.
158. Фальцет – высокий голос.
159. Фофан – простофиля
160. Полех - Полехами называются обитатели Южного Полесья, длинной лесной полосы, начинающейся на границе Волховского и Жиздринского уездов. Они отличаются многими особенностями в образе жизни, нравах и языке. Заворотнями же их зовут за подозрительный и тугой нрав.
161. Га, Баде, Паняй - Полехи прибавляют почти к каждому слову восклицания: "га!" и "баде!". "Паняй" вместо погоняй.
162. Архалук – короткий кафтан.
163. Картуз – шапка
164. Мелкопоместный дворянин – владелец небольшого имения.
165. Смычок – здесь: верёвка, которой попарно связывают гончих собак.
166. Аспид – злой человек.
167. Зипун – кафтан, верхняя крестьянская одежда.
168. Пятиалтынный – монета в 15 копеек.
169. Гривенник – десятикопеечная монета.
170. Картуз с галуном – фуражка с вышивкой из золотой или серебряной тесьмы.
171. Череда – название травы
172. Партикулярное платье – штатский (не военный) костюм.
173. Стряпчий – чиновник по судебным делам.
174. Столбовой дворянин – дворянин старинного рода.
175. Горки – шкаф для посуды.
176. Тяга - Весенний перелёт крупных птиц (вальдшнепов, гусей, уток) в поисках самки.

177. Порскать - На псовой охоте: криком натравливать гончих на зверя.

178. Арапник - Длинная охотничья плеть с короткой рукояткой.

179. Мухояр – Старинный азиатская ткань, бумажная с шелком или шерстью.